власти церковной, но по неведомости не согласную церкви божией веру держит, и за сию душу свою полагает. Неведомость убо не есть грех, аще истиннаго наставления не имеет».[40]

Все эти совпадения в биографии и во взглядах убеждают нас в том, что ересеучитель Ян Белободский и переводчик Андрей Христофорович Белобоцкий — одно лицо. Мы знаем, что, приехав в Россию, Ян Белободский намеревался принять православие и даже стать духовным лицом. Если в последнем намерении ему воспрепятствовали его влиятельные в церковных кругах противники, то переход в православную веру в связи с поступлением на царскую службу не должен был представить особых затруднений. Переходом в православие может быть объяснена перемена имени. Правда, казалось бы, более естественно было бы ожидать замены польского имени «Ян» русским «Иван», тем более что в «Исповедании веры» на русском языке Белободский и прямо именует себя Иоанном. Подобные случаи имели место при переходе в православие из инославных христианских исповеданий: так, иноземцу Степану Демонту при крещении в православную веру было дано имя Степан. Но это не было общим правилом, гораздо чаще встречалась перемена имени при крещении: Авдотья Миллер получила при переходе в православие имя Матрена, Степан Босман был наречен Яковом, София Рихтер — Дарьей. Во всех этих случаях, относящихся к 1681—1691 гг., собственные имена переходящих в православие иноземцев могли бы быть и сохранены, так как встречаются в русских святцах.[41]

Отождествление Андрея Белобоцкого с ересеучителем Яном предоставляет в наше распоряжение ряд дополнительных биографических данных.

Павел Негребецкий в своем доносе, ссылаясь на земляка Белобоцкого, «Литовския страны иеродиакона Мануила», который «его, Белободского, знает из малых лет», сообщает, что тот прежде жил в Слуцке «за хлопца» у ректора-кальвиниста, «о котором в Слуцку ведомо многим людем, что он был чернокнижник», «и после жил в Торуне, в котором их кальвинской суфруган, то есть их духовный начальник, который их ставит в попы, и в Торуню он учинен алюмном, то есть клириком и потом в Слуцку той Белободский в кальвинском зборе сказывал еретическая поучения».

В Польше Белобоцкий подвергался преследованиям со стороны иезуитов, которые его называли кацермистром, «то есть ереси учителем», «дабы его христиане прелести хранилися». После Слуцка он «хотел было учить» в Могилеве, «и от того учинилось в Могилеве замешание». Из Могилева Белобоцкий приехал в Смоленск, но, узнав о том, иезуиты «нарочно присылали к смоленской шляхте, воеже бы шляхта от того Белободскаго хранилися и прельщению иго лестному, яко кацермистру, не верили»; по словам самого Белобоцкого, иезуиты опасались, «дабы аз в Смоленску академии, сиречь науки, не заводил».[42] Таким образом, самый приезд Белобоцкого в Москву был в значительной мере вызван преследованиями со

---

[40] Дм. Цветаев. Памятники к истории протестантства в России, ч. I, стр. 232; БАН, Арх., С-149, л. 77.

[41] Дм. Цветаев. Памятники к истории протестантства в России, ч. I, стр. 41—60. Любопытно, что, ставя свою подпись под распросными речами в Посольском приказе в 1686 г., Андрей Белобоцкий фамилию свою написал по-польски: Bialobocki, а имя, хотя и латинскими буквами, но не по-польски: Andrzei, а по-русски: Andrey; очевидно, имя Андрей было для него не родным, польским, а русским, полученным при крещении в православие (ЦГАДА, ф. 62, 1685 г., д. 2, ч. 1, л. 185).

[42] Дм. Цветаев. Памятники к истории протестантства в России, ч. I, стр. 198, 214, 216.